
«ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.А. Масолова¹

Новосибирский государственный технический университет

**ХРИСТИАНСКИЙ РЕАЛИЗМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
ПОЗДНЕГО ТОЛСТОГО: НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ И РОМАН
«ВОСКРЕСЕНИЕ»**

В позднем художественном творчестве Толстого заглавия ряда народных рассказов коррелируют с заповедями Евангелия; заглавие романа «Воскресение» отражает преобразование «профанного» героя в сподвижника Бога; предуведомительные окказиональные аллюзии и сакральная библейская нумерология воссоздают эпоху первохристианства и придают изображаемой действительности религиозно-философский смысл; система персонажей предопределена отношением действующих лиц к Слову Божию; евангельские эпитеты становятся средоточием религиозно-нравственной притчевой проблематики произведений Толстого; заповеди Евангелия являются для героя откровением, пищей для размышления, непререкаемой истиной и руководством к действию. Существует зависимость между цитируемым в «Воскресении» евангельским текстом и количеством глав в каждой из частей этого романа. Всё это свидетельствует о наличии черт христианского реализма в художественном дискурсе позднего Толстого и доказывает необходимость вписать художественное творчество Толстого в контекст христианской литературы.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, заглавия произведений, система персонажей, аллюзии, нумерология, евангельский текст, композиция, христианский реализм.

¹ Елена Александровна Масолова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (НГТУ, Новосибирск)

E.A. Masolova
Novosibirsk State Technical University

**CHRISTIAN REALISM IN THE ARTISTIC PROSE
OF LATE TOLSTOY: SHORT STORIES AND THE NOVEL
"RESURRECTION"**

In the artistic prose of late Tolstoy the titles of short stories correlate with the commandments of the Gospel. The title of the novel "Resurrection" reflects the transformation of the "profane" character into the follower of God. The pre-ordained occasional allusions and sacred Biblical numerology recreate the era of the early Christianity and give the depicted fictional reality a religious-philosophical meaning. Tolstoy's character system is predetermined by the attitude of the characters to the Word of God. The Evangelical epithets become the focus of the religious and moral parable issues of Tolstoy's artistic prose. The commandments of the Gospel are a revelation, a food for thought, an indisputable truth and a guide to action for Tolstoy's characters. There is a relationship between the Evangelical text quoted in "Resurrection" and the number of chapters in each of the parts of this novel. All this testifies to the presence of features of Christian realism in the artistic discourse of late Tolstoy. This proves the need to consider the artistic prose of late Tolstoy in the context of Christian literature.

Key words: L.N. Tolstoy, titles of works, character system, allusions, numerology, Evangelic verses, composition, Christian realism.


До сих пор позднее художественное творчество Толстого не вписано в контекст христианской литературы; Толстого продолжают воспринимать как одиозного писателя, отлученного от православной церкви за крамольные высказывания в религиозно-философских статьях и глумление над Евхаристией в «Воскресении». Если и предпринимаются попытки рассмотреть произведения Толстого в парадигме христианского менталитета, то ученые ограничиваются утверждением, что у Толстого-мыслителя свои религиозные взгляды, отличающиеся от исповедуемого на Руси христианства, а потому вопрос о христианском дискурсе его художественной прозы не поднимается.

В советском литературоведении, в отличие от дореволюционного¹, было не принято говорить о христианском начале народных рассказов Толстого. В настоящее время в народных рассказах Толстого исследователи выделяют 1) притчевое начало, выраженное в форме цитаты-эпиграфа, цитаты-концовки, вывода-концовки, «скрытой цитаты», 2) сюжетную схему, построенную по модели «христианское поведение – духовное просветление – гармоничная реальность», 3) изменение героя, отказывающегося от безбожного существования и обретающего статус сакрального героя, 4) использование евангельских мотивов-символов, аллюзий, реминисценций, воссоздание евангельских персонажей и сюжетных ситуаций, включение в художественную ткань произведений притч, 5) соотнесенность с Евангелием на уровне ритмизации фраз, инверсионного порядка слов, использования религиозной лексики [Сат, 2007; Барабанова, 2012].

Литературоведы продолжают воспринимать роман «Воскресение» как якобы противоречащий духу Евангелия. С высказыванием В.Г. Одинокова о том, что роман Толстого религиозен по сути, но антицерковен², можно согласиться лишь отчасти: антицерковно в «Воскресении» изображение Евхаристии, где этот обряд показан глазами человека, пытливо взирающего на мир и пораженного увиденным; изображение пасхального богослужения в Паново преисполнено осознания святости происходящего. Исследователи интерпретируют «Воскресение» сугубо в аспекте общечеловеческих ценностей и в таком же ключе трактуют семантику его заглавия. Согласно И.Б. Мардову, в этом романе *воскресение* воплощено в чувстве любви ко всем людям, в пробуждении героя к жизни и его благоволения ко всем людям, которое присуще детям [Мардов, 2003, с. 233]; Н.Г. Набиев утверждает, что заглавие этого романа предполагает возвращение человека в первоначальную гармонию [Набиев, 1999, с. 51]; И.Ю. Матвеева трактует воскресение Нехлюдова

¹ В 1881 г. Н.Н. Страхов восторгался евангельским духом и евангельской точкой зрения в толстовском рассказе «Чем люди живы» [Страхов, 1881, с. 407].

² См. об этом: [Одинокоев, 2009, с. 149].



как восстановление в памяти забытого, как возвращение умершего к смерти [Матвеева, 2000, с. 93]; Е.Г. Новикова полагает, что финал «Воскресения» ориентирован на Апокалипсис, а его заглавие ограничивает воскресение земной жизнью и лишает произведение христианского смысла [Новикова, 1999, с. 171]; О.В. Журиной считает, что воскресение Нехлюдова парадоксально сочетается с утратой жизненности, а потому герой не обретает идеал, остановившись на первых подступах к нему [Журина, 2003, с. 22-23]. Мы считаем, что не только финал, но и все повествование в романе Толстого предвещает воскресение; то, что автор-повествователь рисует героев в земной жизни и воспринимает воскресение не как жизнь преображенной души в загробном мире, а как земную праведную жизнь по законам Бога, не лишает произведение христианского смысла. С нашей точки зрения, в конце романа Нехлюдов исполнен сил и готов строить Царство Божие на земле.

Восприятие художественного текста неоднозначно; когда литературоведы дают оценку тому или иному герою или ограничиваются интерпретацией заглавия произведения, их оценки не всегда отражают интенции писателя; к тому же при анализе художественного текста свою роль играет «субъективный фактор», т. е. личное мнение интерпретатора, отчасти предопределенное его эпохой и сложившимся научным контекстом, что порождает порой в корне противоречащие друг другу трактовки одного и того же писателя. Рассмотрение цветовой гаммы, хронотопа, композиции и т. п. в большей степени дает возможность избежать предвзятых оценок и суждений; полученные при анализе поэтики художественного текста выводы могут изменить ряд устоявшихся в науке постулатов. Так, анализ евангельского текста и онейропоэтики в «Воскресении» позволяет вскрыть приверженность позднего Толстого к христианским ценностям. Д.М. Шевцова выявляет, что в «Воскресении» идеи, изложенные в евангельских эпитафиях, отражаются в сюжете, звучат в финале как закономерный итог размышлений героя над явлениями окружающей действительности, повторяются в виде прямых цитат и в форме реминисценций из Писания, а евангельский финал романа становится средством концентрированного выражения авторской точки зрения, выраженной в сюжете и системе персонажей [Шевцова,

1997]. В.В. Савельева приходит к выводу, что мотив пробуждения Нехлюдова получает религиозно-нравственное наполнение [Савельева, 2013, с. 193-199]. В ряде статей мы говорили, что в художественных произведениях позднего Толстого выбор цветовой гаммы, антропонимов, хронометрических христианских символов, мифопоэтических образов, специфика синтаксического построения ряда предложений детерминированы традициями древнерусской литературы, опирающейся на Евангелие¹. Анализ воплощения христианской картины мира в позднем творчестве Толстого необходимо продолжить.

Ученые противопоставляют художественный мир народных рассказов Толстого роману «Воскресение». Как бы ни отличалась поэтика народных рассказов от поэтики «Воскресения», этим произведениям присущи черты христианского реализма и христианский дискурс². Объект нашего исследования – рассказы Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог» и роман «Воскресение». Предмет рассмотрения – семантика заглавий этих произведений, система персонажей, роль аллюзий, нумерологии и евангельского текста (цитат из Писания, воссоздания процесса чтения и осмысления героем Писания), своеобразии композиции.

В «Чем люди живы» Ангел дал ответ на вопрос о сакральных основах жизни, вынесенный в заглавие рассказа. В «Где любовь, там и Бог» заглавие рассказа коррелирует с теми заповедями Евангелия, где

¹ См.: [Масолова, 2012; Масолова, 2016; Масолова, 2017а; Масолова, 2017б].

² Христианский реализм – термин, используемый В.Н. Захаровым применительно к художественному творчеству Достоевского [Захаров, 2001, с. 16]. Под христианским реализмом мы понимаем такое воссоздание художником социально-исторической действительности, когда под влиянием внешних социально-исторических факторов герой, занятый напряженными поисками смысла происходящего, приходит к осознанию присутствия Бога в живых подробностях бытия и начинает строить свою жизнь согласно заповедям Бога, превращаясь из «профанного героя» в сакрального. Христианский дискурс художественного произведения есть смоделированная в тексте фикциональная реальность, которая отражает религиозные воззрения писателя и проявляется на релевантных уровнях поэтики художественного целого.

говорится, что Бог есть любовь и что любящие друг друга пребывают в Боге¹. Заглавием рассказа «Где любовь, там и Бог» Толстой сделал высказывание крестьянского мыслителя Сютаяева «Истинное христианство в любви – где любовь, там и Бог» [Цит. по: Брокгауз, Ефрон, 1901, с. 408]². В «Воскресении» Толстой рисует смену безнравственной картины мира на христианскую и ведет Нехлюдова к преображению; духовно воскресший герой собирается жить по Слову Божию и нести его людям. Ставшее заглавием романа Толстого название величайшего двенадцатого праздника, Воскресения, «дарует» всем людям надежду на духовное преображение; не случайно роман начинается картиной всепобеждающей весны, а заканчивается незапятнанной снежной белизной, которая предвещает Рождество и Воскресение.

В позднем художественном творчестве Толстой использует предвездомительные окказиональные аллюзии³. Изображаемые Толстым события в жизни людей конца XIX в., соотносясь в сознании читателя со временем раннего христианства, придают воссоздаваемой социально-исторической действительности религиозно-философский смысл. В «Чем люди живы» описание вознесения Ангела коррелируют

¹ ...как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга (Ин. 13:34); ...любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. <...> Бог есть любовь. <...> Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. <...> если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. <...> Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас (1 Ин. 4:7-12); ...Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1 Ин. 4:16); Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его (2 Ин. 1:6).

² В сентябре 1881 г. Толстой приехал в Шевелино, чтобы познакомиться с В.К. Сютаяевым. Личность, идеи и образ жизни Сютаяева оказали, по словам писателя, большое влияние на его мировоззрение. См. об этом: [Толстой, 1937, с. 233, с. 237, с. 834-835].


³ Предвездомительные окказиональные аллюзии способствуют возникновению в сознании читателей исторических отсылок для воссоздания фона сопоставляемых (имплицитно или эксплицитно) в художественном произведении эпох и «подготавливают» читательское восприятие к дальнейшему развитию действия.

с евангельским рассказом о том, как в огненном столпе Господь явился людям¹. Начало романа «Воскресение» приурочено к 28 апреля. Ежегодно в этот день церковь чтит память Иасона и Сосипатра, которые несли Слово Божие людям, за что были оклеветаны, брошены в тюрьму, где приобщили к вере в Бога 7 разбойников. Толстой не напоминает сакральный смысл этой даты, забытой лжерелигиозными персонажами романа. Привязка романа ко дню поминовения Апостолов «предвещает» обращение Нехлюдова к Богу в конце романа. Среди сокамерниц Масловой была чахоточная владимирская с грудным ребенком. Образ матери с младенцем вписывает происходящее в христианский контекст: определение *владимирская* фиксирует не столько город, откуда была родом арестантка, сколько содержит аллюзию на икону Владимирской Божией Матери – одну из самых почитаемых реликвий православной церкви. В «Воскресении» владимирская с младенцем вызывает у читателя мысли о недопустимости поругания образа Богоматери и о преступности содержания людей в тюрьмах.

Обращение Толстого к сакральной библейской нумерологии также переводит повествование в религиозно-философский план. Символика чисел 6, 8, 12, 4 в позднем творчестве Толстого совпадает с библейской нумерологией²; эти числа выполняют предвещательную окказиональную функцию и являются особыми знаками, «направляющими» действующих лиц к постижению Слова Божьего. В «Чем люди живы» Ангел провел в доме Семена 6 лет,

¹ Ср.: «И запел Ангел хвалу Богу, и от голоса его затряслась изба. И раздвинулся потолок, и встал огненный столб от земли до неба. <...> И распустились у Ангела за спиной крылья, и поднялся он на небо» [Толстой, 1937, с. 45]; И двинулись сыны Израилевы <...>. Господь же шел пред ними в столпе огненном, светящем, дабы идти им и днем и ночью. Не отлучался столп огненный и столп облачный от лица народа (Исход 13:20-22); Видел я Ангела <...>, и лицо его как солнце, и ноги как столпы огненные (Откр. 10:1).

² В Библии 6 – число творения, символ силы, мудрости, любви, милости и справедливости; число 8 символизирует новое время в Царствии Божием, приобщение к воскресшей жизни; число 12 соотносено с Небесным Иерусалимом и с Апостолами; число 4 связано с 4 реками в Раю, 4 евангелистами, 4 концами креста. См. об этом: [Неаполитанский, 2006; Тресиддер, 2001].



прежде чем усвоил наказ Бога: людям надо любить друг друга. В «Где любовь, там и Бог» Толстой связывает со странником, открывшим Мартыну смысл жизни, число 8: восьмой год странствовавший старичок сказал Мартыну, что люди должны не Божьи дела судить, а жить для Бога, сверяя свою жизнь с заповедями Евангелия. В «Чем люди живы» заключительная XII глава, в которой Семен, его жена и дети пали ниц, став свидетелями вознесения Ангела, сродни созданию нового человека. Заглавие «Чем люди живы» и слова Ангела в XII главе о том, что надо любить друг друга, – парафраз 8 эпиграфов этого рассказа. В «Воскресении» число 12 является своего рода минус-приемом: в камере, где сидела Маслова, томились 12 арестантов; 12 арестантов погибли от жары при этапировании на каторгу. Арестанты вызывают у читателя аллюзии с заключенными, находившимися в одной камере с Апостолами Иасоном и Сосипатром, но в романе Толстого арестантов некому было привести к Богу, а потому в тюремных камерах царило озлобление.

Система персонажей в позднем творчестве Толстого строится с учетом отношения людей к Слову Божьему. В «Где любовь, там и Бог» внесценических евангельских персонажей и действующих лиц рассказа можно разделить на две группы: тех, кто игнорирует заповеди Евангелия, и тех, кто внимает Богу; в цитируемых евангельских притчах и в рассказе Толстого 4 человека осознали необходимость жить по заповедям Бога: сотник, вдова, грешница, хозяин, простивший долг, – и Авдеич, Степан, старуха с мальчиком. Количественное «равенство» евангельских персонажей и действующих лиц рассказа Толстого усиливает их типологическую общность; сакральное число 4 выступает «гарантом» духовного преображения всех людей. Заглавие романа «Воскресение» «предопределяет» систему персонажей, которых можно разделить на три группы. В первую группу входят метафизически мертвые персонажи – люди с остановившимся сознанием, самодовольные, бессовестные, циничные, корыстолюбивые, амбициозные, одинокие и нелюбимые (бездушные представители света; служители Фемиды – пьяницы и развратники, не испытывающие ответственности за судьбы подсудимых; уголовные; почти все политические; матери, обрекающие детей на голодную смерть); в начале романа метафизически мертвым был Нехлюдов,

который, отказавшись от идеалов юности, воспринимал жизнь с безгильностью, не желая ничего менять). Во второй группе персонажей – те, кто руководствуется общечеловеческими ценностями, несет добро людям, любя их и бескорыстно помогая им (Федосья; ее муж Тарас; революционеры Марья Павловна, Симонсон, Набатов; Катюша Маслова). Особняком стоит Нехлюдов, единственный, кто пришел к воскресению.

Большую роль в христианском дискурсе поздней прозы Толстого играют евангельские эпитафии. Рассказу «Чем люди живы» предпосланы евангельские эпитафии из Первого послания Иоанна, призывающие любить Бога и всех людей. В «Воскресении» 2 эпитафия взяты из Евангелия от Матфея, 1 эпитафия – из Евангелия от Иоанна и 1 эпитафия – из Евангелия от Луки; в первых трех эпитафиях говорится о необходимости прощать оступившегося и ненавидеть собственные грехи; четвертый эпитафия призывает человека стать достойным учеником Бога. Эпитафии предопределяют развитие сюжета и задают евангельский реестр ценностей, с позиций которых оценивается все события в повествовании. Происшедшее с героями Толстого становится во многом «вторичным», ибо иллюстрирует непререкаемую правоту евангельских истин, которые влияют на внутренний рост людей. В художественном творчестве позднего Толстого эпитафия – своеобразный протосюжет, план-конспект, средоточие религиозно-философской проблематики вторичного, детерминированного Евангелием сюжета его произведений. В «Чем люди живы» евангельские эпитафии задают вектор преобразования героя. В «Воскресении» эпитафии «вплываются» во внутренний монолог Нехлюдова. После суда над Масловой Нехлюдов, поняв степень своей вины перед соблазненной и брошенной им Катюшей, перестал ненавидеть ее и начал укорять себя. Второй эпитафия к «Воскресению» повторяется в мыслях Нехлюдова¹. Евангельская притча, которую читает Нехлюдов в последней главе романа, включает стихи 21-23, входящие в первый эпитафия романа «Воскресение».

¹ Ср.: «Матф. Гл. VII. Ст. 3. И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь?» [Толстой, 1936, с. 3]; «Только бы <...> успеть увидеть бревно в своем глазу, как бы мы были добрее» [Толстой, 1936, с. 326].

Повторение евангельских стихов в «Воскресении» акцентирует необходимость исполнять заповеди Бога.

Герои позднего Толстого испытывают потребность в чтении Евангелия, и в их жизни сбывается то, что Господь обещал Своим ученикам: Дух Истины наставляет людей на путь служения Богу. В «Где любовь, там и Бог» чтение Евангелия становится для Авдеича главным событием дня, и все помыслы героя о том, как он вечером откроет Писание. Толстой совмещает в двух подряд идущих предложениях глаголы будущего и настоящего времени. Глаголы, стоящие в будущем времени, рисуют нетерпеливое ожидание человеком ежевечернего чтения Евангелия: герой словно торопит время, мысленно рисуя себе картину, когда, закончив все дела, приступит к чтению Евангелия; глаголы, стоящие в настоящем времени, воссоздают осмысление Авдеичем евангельских притч и придают процессу чтения сакральный характер: «<...> отработает <...>, снимет лампочку с крючка, поставит на стол, достанет с полки книгу, разложит и сядет читать. И что больше читает, то больше понимает и то яснее и веселее на сердце [Толстой, 1937, с. 36]. Усваивая идеи Евангелия, Авдеич сверяет свою жизнь с заповедями Бога и живет по этим наказам.

Не всегда обращение к Евангелию помогает толстовскому персонажу быть услышанным и понятым другими. В «Воскресении» при цитировании Евангелия поражение терпит старик-раскольник, только на словах проповедовавший Слово Божие; английский миссионер, раздававший в тюрьме Евангелие, не знал русского языка и пытался заменить Евангелие проповедью, а потому был осмеян арестантами.

В «Воскресении» Нехлюдов, испытав омерзение к себе и стараясь искупить свою вину перед Катюшей, вспоминал евангельские заповеди и старался жить по ним. В последней главе «Воскресения» герой, устав от тщетных попыток самостоятельно осмыслить происходящее, берет в руки Писание: «Говорят, там разрешение всего, – подумал он и, открыв Евангелие, начал читать там, где открылось. Матфея гл. XVIII» [Толстой, 1936, с. 440]. Чтение Евангелия становится для Нехлюдова и откровением, и припоминанием тех мыслей, которые он передумал за время своего

духовного взросления; в финале романа герой намерен делать все для построения Царства Божия на земле.

В «Где любовь, там и Бог» Толстой дословно воспроизводит прочитанные Авдеичем стихи из 6 главы Евангелия от Луки, где Иисус говорит, что тот, кто слушает слова Бога и исполняет их, подобен человеку, строящему дом с основанием на камне, и дому этого человека не страшно наводнение; тот же, кто слушает слова Бога и не исполняет их, подобен человеку, строящему дом на земле без основания, и наводнение разрушит этот дом. Прочитав эту притчу, Авдеич «примерят» ее к себе: он размышляет о том, построен ли его дом на камне или на песке, и просит Бога о помощи. Далее Авдеич читает в 7 главе Евангелия от Луки о том, как богатый фарисей пригласил Господа к себе в гости, но только женщина-грешница оказала Ему достойный прием. Толстой дословно цитирует эту притчу и воспроизводит внутренний монолог человека, задумавшегося о том, сможет ли он достойно принять Господа в своем доме. Стихи Евангелия периодически звучат в душе Авдеича и руководят им в принятии верных решений. Представив себя в ситуациях, аналогичных изложенным в Писании, Авдеич вспоминает «Христовы речи разные» [Толстой, 1937, с. 40], убеждается в их правоте, сверяет свои поступки с заповедями Бога, бескорыстно делится с нуждающимися едой и деньгами и выступает как ученик Бога, несущий людям Слово истины. Когда Авдеич говорит со Степанычем о нищих и кротких, в его речи контаминированы соответствующие стихи из всех Евангелий¹. Обращенная к старухе речь Авдеича о необходимости простить мальчика за ворованное яблоко – парафраз евангельских заповедей². В

¹ Ср.: «Кто, говорит, возвышается, тот унижится, а кто унижается, тот возвысится. <...> блаженны нищие, смиренные, кроткие, милостивые» [Толстой, 1936, с. 40]; ...кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится (Мф. 23:12); Я, Господь <...>, умыл ноги вам, <...> вы должны умывать ноги друг другу (Ин. 13:14); ...кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (Мк. 9:35); Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие (Лк. 6:20); Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (Ин. 5:5); Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут (Ин. 5:7).

² Ср.: «Если его за яблоко высечь надо, так с нами то за наши грехи что сделать надо? <...> Бог велел прощать, <...> а то и нам не простится»

конце рассказа Авдеич читает Писание, которое само открывается на словах Иисуса, обращенных к тем, кто достойно принял Его. По отношению к Авдеичу эти евангельские стихи звучат как одобрение человеку, помогавшему другим: «И взалкал Я, и вы дали Мне есть, <...>, и вы напоили Меня, <...>, и вы приняли Меня... <...> Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих, меньших, то сделали Мне» [Толстой, 1936, с. 45].

В «Воскресении» в заключительной главе Нехлюдов прочитал 18 главу Евангелия от Матфея, состоящую из 35 стихов; первые 14 стихов этой главы и стихи 21-33 полностью приведены в романе. Цитируя евангельский текст, автор-повествователь указывает номера стихов, которые читает Нехлюдов. Прочитав 4-й стих «Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном», герой полностью вспомнил, как «он испытал успокоение и радость жизни только в той мере, в которой умалял себя» [Толстой, 1936, с. 440].

Стихи с 7-го по 10-й, «о соблазнах, о том, что они должны прийти в мир, о наказании посредством геенны огненной, в которую ввергнуты будут люди, и о каких-то Ангелах детей, которые видят лицо Отца Небесного» [Толстой, 1936, с. 440], показались Нехлюдову неясными, хотя он почувствовал в этих заповедях что-то хорошее. Евангельские стихи обладают особой глубиной, до восприятия которой предстоит возвыситься герою. В дальнейшем исчезает какое-либо непонимание героем Евангелия. После прочтения 14-го стиха Нехлюдов проводит параллели между сказанным в Евангелии и происходящим в его жизни: «Так нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих». “Да, не было воли Отца, чтобы они погибли, а вот они гибнут сотнями, тысячами. И нет средств спасти их”, – подумал он» [Толстой, 1936, с. 441]. Шесть последующих евангельских стихов в «Воскресении» не цитируются. В этих стихах Христос говорит о тех, кто еще не до конца уверовал в Него и совершает ошибки, за которые

[Толстой, 1936, с. 43]; А если не будете прощать людям <...>, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф. 6:15); ...кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин. 8:7).

следует обличать. Нехлюдов устал от злобы и недоверия людей друг к другу; он надеется, что Бог простит его прегрешения, и сам готов прощать оступившихся людей, поэтому он не останавливается на чтении стихов 15-20, а «торопится» прочесть притчу о том, как государь простил злого раба. 13 стихов главы 18 Евангелия от Матфея герой читает на одном дыхании, как откровение и руководство к действию. Обращенные к рабу слова Государя о помиловании из 33 стиха 18 главы внушают Нехлюдову (и читателю) убеждение, что все должны признать себя виновными перед Богом и перестать наказывать других.

Размышления Нехлюдова после прочтения главы 18 Евангелия от Матфея даны как авторский пересказ, дважды уступающий место прямой речи героя; во втором фрагменте внутреннего монолога Нехлюдова возрастают четкость и убедительность суждений героя Толстого: «Да не может быть, чтобы это было так просто, – говорил себе Нехлюдов, а между тем несомненно видел, что <...> это было несомненное и <...> самое практическое разрешение вопроса. <...> Вы несколько столетий казните людей, которых признаете преступниками. Что же, перевелись они? Не перевелись, а количество их только увеличилось» [Толстой, 1936, с. 442]. Мысли Нехлюдов при осмыслении евангельских стихов о безрезультативности казни преступников обретают форму гневного памфлета и все больше совпадают с высказываниями Толстого-публициста, обличителя современного ему строя¹. Размышляя о неблагополучии общества, герой вспоминает наказ Христа, данный Апостолу Петру², и вновь убеждается в правоте заповедей Бога.

¹ См. статьи Толстого «Смертная казнь и христианство», «Не могу молчать» и др. В книге «Путь жизни» Толстой пишет: «Государство создает преступников быстрее, чем их наказывает. Наши тюрьмы набиты преступниками, которых развратили государство своими несправедливыми законами, монополиями и всеми своими учреждениями. Мы сначала издаем множество законов, порождающих преступления, а потом издаем еще больше законов для того, чтобы наказать за эти преступления» [Толстой, 1956, с. 268].

² «Теперь ему стало ясно, отчего весь тот ужас, который он видел, и что надо делать <...>, чтобы уничтожить его. Ответ <...> был тот самый, который дал Христос Петру: <...> бесконечное число раз прощать, <...> нет

Особенно поразила Нехлюдова идея 18 главы Евангелия от Матфея о великой силе любви. В религиозно-философских статьях Толстой говорит, что он понимает Бога как дух, как любовь и начало всего, а истинное благо человека состоит в том, чтобы исполнять волю Бога¹. К такому пониманию любви Толстой привел и Нехлюдова.

Убедившись в неоспоримости прочитанных евангельских стихов, Нехлюдов возвращается к началу Евангелия от Матфея и перечитывает его вплоть до 5 главы. В «Воскресении» не цитируются Заповеди блаженства, помещенные в начале Нагорной проповеди; евангельские стихи с 21-го по 48-й даны в рецепции героя, который вычленяет 5 заповедей Христа и излагает их в виде тезисов, заменяя евангельские императивные предложения (*помирись с братом твоим, вырви соблазняющий тебя свой правый глаз, отсеки соблазняющую тебя правую руку* и т. п.) и формы будущего времени в контексте запрета (*кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной*, и др.) конструкциями *не должен* (7 словоупотреблений) и *должен* (5 словоупотреблений)². Толстой изменяет категориальную императивность стихов Евангелия на модальность долженствования («<...> человек не только не должен убивать, но не должен гневаться на брата» [Толстой, 1956, с. 443]): Нехлюдов воспринял Слово Божие не как угрозу нарушителя этих заповедей, а как руководство к действию, и готов воплощать их в жизнь.

Количество глав каждой части «Воскресения» представляется не случайным, а имплицитно указывает на притчевый код этого романа. В Нагорной проповеди в четырех стихах Иисус оспаривает сложившиеся представления, опровергает мнения древних пророков и

таких людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать или исправлять» [Толстой, 1936, с. 442].

¹ По признанию Толстого, в Евангелии его умиляла проповедь любви, смирения и возмездие добром за зло [Толстой, 1957, с. 306]; смысл христианского учения, подчеркивает Толстой, – в любви к людям [Толстой, 1957, с. 313], «Желание же блага всему существующему есть <...> начало всякой жизни, есть любовь, есть Бог, как и сказано в Евангелии, что Бог есть любовь» [Толстой, 1958, с. 125], – утверждает Толстой.

² См.: [Толстой, 1936, с. 443].

излагает в 24 стихах Свое учение. Перечитав Нагорную проповедь, Нехлюдов впервые увидел в ней ясные и практически исполнимые заповеди, исполняя которые можно достичь Царство Божие на земле. При переосмыслении Евангелия герой подумал о своих и людских прегрешениях перед Богом и осознал неприглядность общества. Когда Нехлюдов представил себе, что люди будут воспитываться на заповедях Бога, он испытал восторг, успокоение и свободу. 35 стихов 18 главы Евангелия от Матфея подвигли Нехлюдова к дальнейшему поиску ответов на вопросы бытия; 24 стиха Нагорной проповеди привели его к переоценке прежней жизни и желанию исполнять заповеди Бога. Количество глав в части первой «Воскресения» не случайно, а является результатом суммирования чисел 35 и 24¹. В начале романа Толстого все персонажи живут, попирая заповеди Бога; 59 глав части первой «Воскресения» – жизнь людей, презревших слово Божие (в ранних редакциях «Воскресения» максимум 49 глав, и их количество, с нашей точки зрения, ничем не предопределено). Осознав свой грех перед Богом, Нехлюдов начинает ненавидеть себя и встает на путь искушения своей вины. В 5 главе Евангелия от Матфея 48 стихов; в первых двух стихах евангелист повествует о том, что Иисус поднимается на гору и начинает учить людей, но самих слов Христа нет. Следовательно, в 5 главе Евангелия от Матфея 6 стихов из 48 не являются непосредственным изложением учения Бога; само же Слово Божие занимает 42 стиха. В части второй «Воскресения» 42 главы (в ранних редакциях романа Толстого – от 44 до 47 глав). В части третьей «Воскресения» 28 глав – столько же, сколько и в Евангелии от Матфея (в шестой редакции романа Толстого 27 глав). В каждой из трех частей «Воскресения» глава XXVIII – самая «важная» в идеологическом отношении.

¹ Наша версия относительно количества глав в трех частях «Воскресения» и их обусловленности евангельским текстом носит эвристический характер в силу недоступности подготовительных материалов к роману. Косвенным доказательством правоты этой версии служит статья Толстого «В чем моя вера», в которой он приводит подсчеты тех стихов 5 главы Евангелия от Матфея, где дана критика фарисеев и книжников [См.: Толстой, 1957, с. 346-349].

Пересказывая притчу «О злых виноградарях», Толстой опускает ряд подробностей и воспроизводит лишь суть конфликта: работники усомнились в словах Хозяина и начали убивать тех, кто говорил о Хозяине. При пересказе притчи *виноградник* заменен *садом*, и у читателя возникают окказиональные аллюзии с райским Садам, созданным Богом для людей, и с земным Садам, который надлежит возвести людям по наказу Бога. После пересказа притчи дан самый продолжительный внутренний монолог Нехлюдова, ужаснувшегося тому, как далеко человечество отошло от заповедей Бога. Мысли Нехлюдова о собственных ошибках переключаются с грехом виноградарей, проигнорировавших волю Хозяина. Толстой полностью разделяет мысли героя, что проявляется в отсутствии каких-либо комментариев к его речи. Обдумывая заповеди Бога, герой проводит параллели между событиями в Евангелии и современностью; притча о злых виноградарях становится метафорой несправедливой жизни человечества и дает Нехлюдову возможность остротенно, а потому более обостренно увидеть современные социальные аномалии.

Толстой акцентирует неразрывную связь евангельского текста и размышлений Нехлюдова, который почти дословно цитирует 33-й стих 6 главы Евангелия от Матфея¹. В романе евангельский стих оформлен курсивом и входит в абзац, состоящий из двух предложений, первое из которых – заповедь Бога, второе – сожаление героя о том, что люди игнорируют заповеди Евангелия. Соположенность в одном абзаце романа заповеди Бога и размышлений Нехлюдова подтверждает неразрывную спаянность евангельского и художественного текстов. Стихи Евангелия и их переосмысление героем «рифмуются» с четырьмя эпиграфами романа «Воскресение», что создает кольцевую рифму. Автор-повествователь оценивает все с позиций Евангелия и ведет к такому миропониманию своего героя и читателя. Последняя глава романа Толстого – и эпилог, и начало новой жизни человека во Христе: Нехлюдов читает Евангелие и обещает

¹ Ср.: «Ищите Царства Божия и правды Его, а остальное приложится вам. А мы ищем остального и, очевидно, не находим его» [Толстой, 1936, с. 444]; Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам (Мф. 6:33).

неукоснительно воплощать Слово Божие. Рассказ о заблуждениях Нехлюдова становится сюжетной стратегией Толстого: в «Воскресении» история жизни человека конца XIX в. представлена как отпадение от Бога и обретение Его и воспринимается в контексте притчи о блудном сыне.

То, что Нехлюдов в романе читает именно Евангелие от Матфея, не случайно: с этого Евангелия начинается Новый Завет; размышляя над заповедями Евангелия от Матфея, герой по сути впервые приобщается к Слово Божию, постигать которое он будет за пределами романа; евангельский текст станет «управлять» Нехлюдовым, решившим строить Царство Божие на земле; 2) в Евангелии от Матфея Иисус в Нагорной проповеди и в 18 главе излагает основные положения Своего учения; усвоив эти идеи, человек становится одним из учеников своего Учителя, что предвещает четвертый эпиграф романа. В «Воскресении» евангельские стихи создают каркас, где действуют универсальные «одеявающие» и «внутренние» рифмы, которые сопрягают человека и действительность со Словом Божиим и порождают христианский гипертекст и параболическую композицию. В «Воскресении» сюжет построен так, что матрица евангельского текста накладывается на запечатленную Толстым ситуацию отпадения от Бога и обретения Его: события в жизни героев иллюстрируют правоту евангельских истин, которые подчиняют своей логике судьбы людей; возникает художественно-смысловая синонимия евангельских заповедей и сюжета романа «Воскресение». Чтение Евангелия позволяет Нехлюдову переосмыслить все события с позиций верующего человека, который черпает в Писании ответы на вопросы бытия. Цитируемые в последней главе «Воскресения» стихи Евангелия направлены на ретроспективное осознание читателем сюжета романа и устремлены в будущее, предвещая воскресение человечества. Заповеди Бога «руководили» поведением Нехлюдова на протяжении романа и будут помогать герою, ушедшему за пределы повествования.

Итак. Роман «Воскресение» является своеобразным продолжением народных рассказов Толстого: герои идут по пути богопознания, что проявляется на уровне заглавий произведений, системы персонажей, аллюзий, нумерологии и евангельского текста. В позднем художественном творчестве Толстого явственно проявляются

черты христианского реализма; христианский дискурс его произведений позволяет вписать его художественную прозу в христианский контекст русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барабанова, М. Ю. Художественное своеобразие народных рассказов Л.Н. Толстого / М.Ю. Барабанова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2012. – № 3. – С. 40-45.

Брокгауз, Ф. А., Ефрон, И. А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 63 / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Санкт-Петербург: Издательское дело, 1901. – С. 408.

Журина, О. В. Роман «Воскресение» в контексте творчества позднего Л. Н. Толстого: картина мира и ее воплощение: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Журина. – Санкт-Петербург, 2003. – 24 с.

Захаров, В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) / В.Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 2001. – Вып. 6. – С. 5-20.

Мардов, И. Б. Л. Н. Толстой на вершинах мысли / И.Б. Мардов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 432 с.

Масолова, Е. А. Антропонимы и евангельский текст в рассказах Л. Н. Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно» / Е.А. Масолова // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 2017а. – Т. 15. – № 3. – С. 127-144.

Масолова, Е. А. Колоративы в народных рассказах Толстого «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно»: дискурсивные стратегии Толстого / Е.А. Масолова // Русская классика: Проблемы понимания и языкового своеобразия. – Липецк, 2016. – С. 76-81.

Масолова, Е. А. Мифопоэтическая образность романа Л. Н. Толстого «Воскресение» [Электронный ресурс] / Е.А. Масолова // Культура и текст. Научный электронный журнал. 2012. – № 1 (13). – Барнаул, 2012. – С. 62-72. – URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2012/12/Масолова20121.pdf>.

Масолова, Е. А. Христианский календарь в художественной прозе позднего Толстого [Электронный ресурс] / Е.А. Масолова // Культура и текст. – 2017b. – № 3(30). – С. 30-39. – URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/10/masolova_2017_3.pdf.

Матвеева, И. Ю. О роли воспоминаний в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» / И.Ю. Матвеева // Литература и философия. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 93-97.

Набиев, Н. Г. Человек в мире Л. Н. Толстого / Н.Г. Набиев. – Москва: Диалог МГУ, 1999. – 278 с.

Неаполитанский, С. М. Библейская нумерология / С.М. Неаполитанский. – Санкт Петербург: Изд-во Института метафизики, 2006. – 352 с.

Новикова, Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX в. / Е.Г. Новикова. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1999. – 254 с.

Одинокоев, В. Г. Русская литература XIX века: учебное пособие / В.Г. Одинокоев. – Новосибирск: НГУ, 2009. – 168 с.

Савельева, В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей / В.В. Савельева. – Алматы: Жазушы, 2013. – 520 с.

Сат, Н.Д. Особенности жанровой поэтики «народных рассказов» Л. Н. Толстого: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Д. Сат. – Барнаул, 2007. – 27 с.

Страхов, Н. Н. Чем люди живы / Н.П. Страхов // Детский отдых. – Москва, 1881. – Т. III. – С. 407-434.

Толстой, Л. Н. В чем моя вера / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. Произведения 1879–1884 гг. – Москва: Художественная литература, 1957. – С. 303-465.

Толстой, Л. Н. Воскресение / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 32. «Воскресение». – Москва: Художественная литература, 1936. – 543 с.

Толстой, Л. Н. Где любовь, там и Бог / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 25. Произведения 1880-х годов. – Москва: Художественная литература, 1937. – С. 35-45.

Толстой, Л. Н. Путь жизни / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 45. «Путь жизни». – Москва: Художественная литература, 1956. – С. 10-496.

Толстой, Л. Н. Христианское учение / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 39. Статьи 1893–1898 гг. – Москва: Художественная литература, 1958. – С. 117-191.

Толстой, Л. Н. Чем люди живы / Л.Н. Толстой / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 25. Произведения 1880-х годов. – Москва: Художественная литература, 1937. – С. 8-25.

Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – Москва: Фаир_Пресс, 2001. – 448 с.

Шевцова, Д. М. Функционирование библейских эпитафий в художественной структуре романов Л. Н. Толстого («Анна Каренина», «Воскресение») и Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.М. Шевцова. – Нижний Новгород, 1997. – 19 с.

REFERENCES:

- Barabanova, M. YU.** Hudozhestvennoe svoeobrazie narodnyh rasskazov L. N. Tolstogo / M. YU. Barabanova // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. – Tula, 2012. – № 3. – S. 40-45.
- Brokgauz, F. A., Efron, I. A.** EHnciklopedicheskiy slovar': v 86 t. T. 63 / F.A. Brokgauz, I.A. Efron. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skoe delo, 1901. – S. 408.
- Mardov, I. B.** L. N. Tolstoj na verшинah mysli / I. B. Mardov. – Moskva: Progress-Tradiciya, 2003. – 432 s.
- Masolova, E. A.** Antroponimy i evangel'skij tekst v rasskazah L. N. Tolstogo «СНem lyudi zhivy», «Gde lyubov', tam i Bog», «Mnogo li cheloveku zemli nuzhno» / E. A. Masolova // Problemy istoricheskoy poehtiki. – Petrozavodsk, 2017a. – T. 15. – № 3. – S. 127-144.
- Masolova, E. A.** Kolorativy v narodnyh rasskazah Tolstogo «СНem lyudi zhivy», «Gde lyubov', tam i Bog», «Mnogo li cheloveku zemli nuzhno»: diskursivnye strategii Tolstogo / E. A. Masolova // Russkaya klassika: Problemy ponimaniya iazykovogo svoeobraziya. – Lipeck, 2016. – S. 76-81.
- Masolova, E. A.** Mifopoeheticheskaya obraznost' romana L. N. Tolstogo «Voskresenie» [EHlektronnyj resurs] / E.A. Masolova // Kul'tura i tekst. Nauchnyj ehlektronnyj zhurnal. 2012. – № 1 (13). – Barnaul, 2012. – S. 62-72. – URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2012/12/Masolova20121.pdf>.
- Masolova, E. A.** Hristianskij kalendar' v hudozhestvennoj proze pozdnego Tolstogo [EHlektronnyj resurs] / E.A. Masolova // Kul'tura i tekst. – 2017b. – № 3(30). – S. 30-39. – URL: http://www.ct.uni-altai.ru/wp-content/uploads/2017/10/masolova_2017_3.pdf.
- Matveeva, I. YU.** O roli vospominanij v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie» / I. YU. Matveeva // Literatura i filosofiya. – Sankt-Peterburg, 2000. – S. 93-97.
- Nabiev, N. G.** СНelovek v mire L. N. Tolstogo / N. G. Nabiev. – Moskva: Dialog MGU, 1999. – 278 s.
- Neapolitanskij, S. M.** Biblejskaya numerologiya / S.M Neapolitanskij. – Sankt Peterburg: Izd-vo Instituta metafiziki, 2006. – 352 s.
- Novikova, E. G.** Sofijnost' russskoj prozy vtoroj poloviny XIX v. / E. G. Novikova. – Tomsk: Tomsk. gos. un-t, 1999. – 254 s.
- Odinokov, V. G.** Russkaya literatura XIX veka: uchebnoe posobie / V. G. Odinkov. – Novosibirsk: NGU, 2009. – 168 s.
- Savel'eva, V. V.** Hudozhestvennaya gipnologiya i onejropoehetika russkih pisatelej / V. V. Savel'eva. – Almaty: ZHazushy, 2013. – 520 s.
- Sat, N.D.** Osobennosti zhanrovoy poehtiki «narodnyh rasskazov» L. N. Tolstogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / N.D. Sat. – Barnaul, 2007. – 27 s.

Shevcova, D. M. Funkcionirovanie biblejskikh ehpigrafov v hudozhestvennoj strukture romanov L. N. Tolstogo («Anna Karenina», «Voskresenie») i F. M. Dostoevskogo («Brat'ya Karamazovy»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / D.M. Shevcova. – Nizhnij Novgorod, 1997. – 19 s.

Strahov, N. N. Chem lyudi zhivy / N. N. Strahov // Detskij otdyh. – Moskva, 1881. – T. III. – C. 407-434.

Tolstoj, L. N. V chem moya vera / L.N. Tolstoj / Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij: v 90 t. T. 23. Proizvedeniya 1879–1884 gg. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1957. – S. 303-465.

Tolstoj, L. N. Voskresenie / L.N. Tolstoj / Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 32. «Voskresenie». – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1936. – 543 s.

Tolstoj, L. N. Gde lyubov', tam i Bog / L.N. Tolstoj / Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 25. Proizvedeniya 1880-h godov. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1937. – S. 35-45.

Tolstoj, L. N. Put' zhizni / L.N. Tolstoj / Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 45. «Put' zhizni». – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1956. – S. 10-496.

Tolstoj, L. N. Hristianskoe uchenie / L.N. Tolstoj / Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 39. Stat'i 1893–1898 gg. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1958. – S. 117-191.

Tolstoj, L. N. Chem lyudi zhivy / L.N. Tolstoj / Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 25. Proizvedeniya 1880-h godov. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1937. – S. 8-25.

Tresidder, D. Slovar' simvolov / D. Tresidder. – Moskva: Fair_Press, 2001. – 448 s.

Zaharov, V. N. Hristianskij realizm v russkoj literature (postanovka problemy) / V. N. Zaharov // Problemy istoricheskij poehtiki. – Petrozavodsk, 2001. – Vyp. 6. – S. 5-20.

ZHurina, O. V. Roman «Voskresenie» v kontekste tvorcestva pozdnego L. N. Tolstogo: kartina mira i ee voploshchenie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / O.V. ZHurina. – Sankt-Peterburg, 2003. – 24 s.